

УДК 342:321.01

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК ОСОБЫЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ И ПРАВОНТАЛЬНЫЙ ТИП

© 2017

Мордовцев Андрей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры
«Теория и история российского и зарубежного права»

Мамычев Алексей Юрьевич, доктор политических наук, заведующий кафедры
«Теория и история российского и зарубежного права»

Шестопал Сергей Станиславович, кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Теория и история российского и зарубежного права»

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
(690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя 41, e-mail: ss.shestopal@yandex.ru).*

Аннотация. Происхождение и формирование российской политической правовой ментальности являлось сложным историческим процессом. Самобытность развития России и её менталитета, выраженная в естественных или интуитивных, его инстинктивное самосохранение, приводит к тому, что влияние внешних факторов не имело определяющего влияния на развитие национального правового порядка. Ключевое значение отводится государственной власти в России, её авторитету и влиянию на развитие и формирование правоментальности. На современном этапе развития российского государства ставится приоритет на поиске смыслов которые позволяют сформулировать национальную идею России. Это приводит к активизации исследователей, сфокусированных на изучении национальной, правовой российской идентичности; стимулировало внимание (а не отрицание) к собственно российской (в конгломерате её этнических составляющих) ментальности, позволило и поддержало рассмотрение национальной самобытности, её преимуществ и проблем. Теоретико-методологической основой работы выступили отечественные и зарубежные исследования политологов, социологов и правоведов. В работе используются мировоззренческие (феноменологический, социокультурный, системный и др.), общенаучные (анализ, синтез, аналогия и др.), а также частнонаучные (историко-политический, метод политического моделирования) подходы и методы. Данная работа посвящена поиску и попыткам понимания происхождения, формирования и становления национального государства правового менталитета россиян (сформированного её этнической мозаикой) в процессе эволюции российской государственности. В работе рассмотрены коллизии западной и российской правовых систем, возможности, перспективы и катастрофы, связанные с вестернизацией русского права, а порою его гармонизации с западными ценностями. Особое внимание как всегда привлекает проблема постоянной востребованности авторитетной (не авторитарной), сильной власти в РФ.

Ключевые слова: Право, правовая система, правовая идентичность, правовое мышление, правовой менталитет России, правоментальность, политическая идентичность, глобализация, либерализм, консерватизм, власть, государство, институты, культура, общество.

RUSSIAN STATEHOOD AS A PARTICULAR CIVILIZATIONAL AND LEGAL MENTALITY TYPE

© 2017

Mordovtsev Andrey Yuryevich, Doctor of Law, Professor of the Department
of Theory and History of Russian and international law

Mamychев Alexey Yurievich, Doctor of Political Sciences, PhD. Legal Sciences,
Head of the Department of Theory and History of Russian and international law

Shestopal Sergey Stanislavovich, PhD in legal sciences, associate professor of the Department
of Theory and History of Russian and international law

Vladivostok State University of Economics and Service

(690014, Russia, Vladivostok, Gogolya 41, e-mail: ss.shestopal@yandex.ru).

Abstract. In the origin and historical formation of the Russian political legal mentality was a complex of different historical processes. The uniqueness of Russia's development and its mentality, expressed in natural or intuitive, its instinctive self-preservation, leads to the fact that the influence of external factors did not have a decisive influence on the development of the national legal order. The key role is given to the state power in Russia, its authority and wobble for the development and formation of the legal mentality framework. Nowadays governing elites are managing to formulate the national idea of Russian statehood. Naturally, this led to the intensification of researchers focused on studying the national, legal Russian identity; stimulated attention (and not denial) to the actual Russian mentality (in the conglomerate of its ethnic components), allowed and supported the consideration of national identity, its advantages and problems. This work is devoted to the search and attempts to understand the origin, formation and establishment of the national state legal mentality of Russians (formed by its ethnic mosaic) in the process of evolution of Russian statehood. The work considers collisions of the Western and Russian legal systems, opportunities, prospects and catastrophes associated with the Westernization of Russian law, and sometimes its harmonization with Western values. Particular attention is as always attracted to the problem of the urgent demand of authoritative (not authoritarian), strong power in Russia.

Keywords: law, legal system, legal identity, legal thinking, legal mentality of Russia, political identity, globalization, liberalism, conservatism, government, institutions, culture, society, political system, rights, state evolution, institutions, traditionalism, politics, postmodernism, socio-cultural transformations.

«Секрет перемен состоит в том,
чтобы сосредоточиться на создании нового,
а не на борьбе со старым»
Сократ

История зарождения российского правового менталитета.

Происхождение и формирование российской политической правовой ментальности происходило в сложный исторический момент. Древняя Русь, на подъеме развития собственной государственности, объединения земель и только что принявшая христианство, выбрав при

этом его Византийскую ветвь, имела высокий культурный уровень, что многократно отмечался учеными. Так Э. Аннерс пишет, что «уровень права Древнерусского государства в целом соответствовал уровню правового развития Англии и Скандинавии того времени».

Но далее Русь столкнулась с падением этого «образа», государства влияние которого на формирование государственных структур Руси невозможно переоценить. Естественно, это привело к изоляции церковных, государственных и правовых учреждений Древней Руси, законсервировала на некоторое время *патриархальные*

основы в их структуре, и, как следствие, в правовой культуре русского народа. А далее и сама Русь переживает тяжелейшие времена – междоусобицы, татаро-монгольское нашествие... И возрождается почти через три века в государстве Московском, воплощая в своей государственной структуре частичны сохраненные традиционно патриархально миссионерские традиции, частично новые, адаптированные к структуре момента. Возникший контраст, вызванный изоляционной консервацией традиций, замечают и западные историки права: «правовая система России в XIV–XV вв. уже представляет собой разительный контраст с государственным законодательством Западной Европы... Даже когда царь Алексей Михайлович издал в 1649 году свое Уложение, стало ясно, насколько значительно русская техника законодательства отставала от западноевропейской» [1, с 246, 2-8].

История права полна различных противоречивых суждений о истории государства Российского и его менталитете как внутри самого государства (контраст взглядов Соловьёва и Гумилева на проблему преемственности или непрерывности развития государственности на Руси), так и на Западе. Как же могло отстало Российское право заслужить такое внимание и быть издано на немецком, французском, латинском и датском языках? А в XVIII и XIX вв. признавалось, что по уровню законодательных методик Соборное Уложение превосходило многие западноевропейские своды законов. «В 1777 г. Вольтер пишет, что получил немецкий перевод *российского Свода Законов* и начал переводить его на язык «варваров-французов» [1, с 192]. Французскую юриспруденцию Вольтер оценивал, как «смешную» и «варварскую», построенную на декретах папы и церковных нормах. Вольтер и его коллега даже внесли по 50 ливров в пользу того, кто составит уголовный кодекс, близкий к русским законам и наиболее пригодный для его страны». [1, с 193].

Самобытность развития России и её менталитета, выраженная в естественных или интуитивных, а может данных от рождения, его инстинктивное самосохранение, приводит к выводу о том, что влияние внешних факторов (войн, нашествий, природных катаклизмов и т.д.) не имело определяющего влияния на развитие национального правового порядка. С нашей точки зрения изучение российского правового менталитета должно базироваться на особых национальных чертах россиян – его своеобразной духовности, мироощущении и восприятия государственности. В данном контексте особенного рассмотрения требует вопрос о значении государственной власти в России, её авторитете на развитие и формирование правового менталитета (от Рюрика до Путина).

Роль и влияние власти на юридический менталитет России.

История государства российского - её прорывы и падения - свидетельствует о том, что ключевыми в ослаблении политической системы государства - распаде её структур, конфликтах социальных отношений, практически всегда были кризисы (порою личностные) политического центра. Начало XVII века – вырождение династии Рюриковичей, 1917 год – полнейший кризис власти империи. И тут же – появление Минина и Пожарского, а в 1613 приход династии Романовых, а 1920-21 годах победа большевиков – приводят к предотвращению распада и гибели государства, и возрождению и укреплению России на новом уровне. Но без сильной авторитетной (увы, временами переходящей в авторитарную) верховной власти государственная система России разваливается, российское общество перестаёт быть каким бы то образом управляемым.

При этом, как логически следует из таких взаимоотношений власти и общества – в России никогда не существовало объединенных гражданских организаций, образующих уравнивающую государственную власть *оппозицию* – широко распространенный опыт противо-

веса партийных структур в западных парламентах. Эта правомерная традиция россиян, исторически сложившаяся в правовом поле Российской государственности, также определяет юридическое мировоззрение народа: «сильное государство – слабое общество».

«Слаборазвитость (либо вовсе неразвитость) среднего уровня власти и учреждений, расположенных между самодержцем и несущим тяготы крестьянским населением, являлась важной особенностью Московского государства... русскому дворянству лишь в конце XVIII в. высочайшим указом Екатерины II было предоставлено право на самоорганизацию. Однако и это право вплоть до падения монархии распространялось лишь на местное самоуправление», – отмечает немецкий исследователь Г. Симон [2]. Служба русской аристократии в государственных структурах – что было совершенно традиционно в Российской Империи, по сути своей и являлась участием знати в управлении государством, но не только в силу их сословной принадлежности, что было традиционным в западных европейских странах, а ввиду востребованности нуждами Отечества. И посты в высших государственных структурах занимали наиболее достойные дворяне. Возможность созывать Земские Соборы говорит о том, что на были князья и бояре бесправны на Руси. Но в итоге это не привело к сплоченности и формированию аристократических сообществ (как это было в Великобритании), определяющим те или иные тенденции во внешней и внутренней политике страны. А дух дворянства не оказал определяющего влияния на *отечественную политическую и правовую культуру*. С точки зрения западных историков государства и права Российский олигархам была необходима некоторая самостоятельность по отношению к монарху, что могло быть обеспечено только *правом*, поскольку власть при том или ином монархе весьма недолговечна.

Если мерилom исторического цивилизационного развития считать этапы правового развития Западной Европы, то в этой метрике развитие России безусловно отставало. Так к концу XII века, в Англии, активно борющейся за полную независимость от Франции, Генрих II провел судебные реформы и присутствие присяжных стало неотъемлемой частью гражданского и уголовного процессов учреждается суд присяжных (явное влияние греческого и римского права), и заложил по сути основы так называемого Common Law, практикуемом ныне во всех англоязычных странах, а в 1215 году в Англии издаётся Magna Charta Libertatum, состоящая из 63 статей, законодательно регулирующих судопроизводство, налоги, различные феодальные повинности и сборы и т.д., а «Etablissements de St. Louis» появляется во Франции уже в 1269 году... Все эти законы принятые в Европе ведут к централизации власти (по сути отказываясь от так называемой «вотчинной монархии»). В то же время в Московской Руси со второй половины XII века и вплоть до Ивана IV продолжает существовать «вотчинная монархия», устанавливающая иную иерархию регулирования отношений между слоями общества. «Тип социальной связи оказывал существенное влияние на объем субъективных прав и обязанностей. Утверждение о том, что общество средневековой Руси является строго сословно-корпоративным, где сословия имеют ярко выраженные привилегии, закрепленные в праве, является научно несостоятельным. Фактическое неравенство было вызвано жизненным укладом и обстоятельствами, не связанными с правом» [3].

Российский правовой менталитет сформировался на фоне специального отношения народа к верховной власти - «царь батюшка», «барин вот приедет, барин нас рассудит», то есть в условиях господства государственного принципа отечественной политико-правовой культуры. Поэтому сложнейшие хитросплетения межсословных правовых и экономических отношений строго регламентированные законами на Западе, разтворились в российской правовой нигилистической менталь-

ности.

Мы присоединяемся к исследованиям российской государственности, утверждающим, что архетип юридической ментальности россиян кроется в *особенностях генезиса отечественной государственности*. Отметим еще раз о неприемлемости евроцентрической модели к совершенно другой структуре – Российской истории – что свидетельствует о неполноте этой модели. Приведем несколько доводов в поддержку этого утверждения

значительно большая плотность заселенности Европы естественным и традиционным путем привела к образованию различных независимых государственных образований: свободные города, графства и герцогства и прочие, имевшие различные формы правления, иерархии подчинения. Опять же в силу близости границ они все были связаны друг с другом, что порождало необходимость принятия регуляторных норм. В России со времен Древней Руси существовала лишь одна унифицированная форма правления – княжества. Существует множество доводов и фактов, оправдывающих существование такой формы единоначалия на Руси, среди них рельеф и климат, недружелюбное политическое окружение.

возникновение русского государства и права сопряжено с развитием их не как государства (*stato*) в подлинном смысле данной категории и не как права в естественно-правовом, формально-либертарном его понимании, а как *частного удела* – вотчины, где все отношения регулируются собственником по своему усмотрению, а права даруются, «жалуются» отдельным лицам либо целым социальным группам. Еще В.О. Ключевский отмечал, что «пространство Московского княжества считалось вотчиной его князей, а не государственной территорией: державные права их, составляющие содержание верховной власти, дробились и отчуждались вместе с вотчиной, наравне с хозяйственными статьями» [10, с. 341]. Так, в 1302 г. произошло знаковое событие, важное для утверждения взгляда на землю-удел (государство) как на свою частную собственность: переяславский князь Иван Дмитриевич завещал город Переяславль и волость вместе со всем населением, оброками и ловлями как свое частное владение, «как сундук с добром и платьем» Даниле Московскому. Очевидно здесь то, что значима была не только и не столько земля, города и другие ценности материального порядка, но произошло совершенно другое – задолго до установления «самодержавия и абсолютизма» создаются и постепенно закрепляются в реальной государственной практике, отражаются в массовом политико-правовом сознании прецеденты *приватизации* отдельными лицами, семьями или родами самой *государственной власти*. Последняя же, по нашему мнению, неизбежно сопровождается и *персонализацией ответственности* (перед Богом и потомками своими) за «судьбы Отчизны и простого, «мизинного» люда». Вообще, московские князья уже в XIV–XVI вв. довольно «просто» распоряжались вотчинами бояр, «перебирали» их земли, лишали их отдельных привилегий, отбирали в казну и т.д. Более того, Судебник Ивана III (1497 г.), Ивана Грозного (1550 г.) и даже Соборное Уложение 1649 г. не содержат четкого юридического (легального) определения «поместья» и «вотчины». На ментальном уровне отечественного политико-правового бытия подобная ситуация неизбежно «откликается» возникновением соответствующих юридических ценностей и установок, стереотипов, символов и ритуалов, что, несомненно, сопровождается формированием адекватного ситуации стиля правового мышления как на уровне городского, «интеллектуального» меньшинства (после всего сказанного будет вряд ли корректно называть его политической элитой), так и в рамках народной традиции, представленной «молчаливым большинством» (термин А.Я. Гуревича) соотечественников. И в этом смысле абсолютно точно, «что для российского менталитета власть – это дьявольская сила» [11];

закономерным финалом стал последующий этап взаимодействия российского общества и государственной (самодержавной) власти, начавшийся в 1547 г., когда торжественно совершился ритуально-символический по форме, но ментальный по сути и значению «чин венчания» Государя всея Руси Ивана IV на царствие. «Смысл церемонии заключался в том, что Иван IV «венчался» на царствие не сам по себе, а на «брак» со святой «невестой» Русью. Утверждалась следующая иерархия духовно-светского подчинения народа: наверху сам Бог, затем святая пара Иван Васильевич и Русь, которые являются «отцом и матерью» для своих детей – подданных (напомним, по «правде» равных перед ними)». А кто же между ними? Где национальная политическая, экономическая или военная аристократия, «рыцари» и «третье сословие»? Думается, что такой «средней», праводостойной и правосознающей, «скрепляющей» (по выражению Н. Эйдельмана) [12] силы, роль которой на Западе играло, например, третье сословие, в России не было, хотя бы уже потому, что она просто не вписывалась в систему координат традиционного российского юридического и политического миропонимания и мироощущения, не отвечала социально-психологическим установкам большинства россиян. Благодаря же слабой структурности социума, известной его социально-политической инерции, правовой «размытости» индивида в общинной среде, интересы, «помыслы» *целого* в России всегда представляла и представляет верховная власть – зовется ли она царской, партийной, президентской или какой-либо еще. В определенный исторический период в России сформировалось весьма специфическое (по сравнению с имеющимися европейскими аналогами) деспотическое самодержавие, которое в тех или иных формах продержалось вплоть до 1917 г., а если говорить о государственно-правовом режиме, то, возможно, и значительно дольше. И вновь возникает мысль о преемственности государственного устройства через сохранение национального юридико-политического типа на глубинном архетипическом уровне, идентичность которого настолько устойчива, что не может быть «стёрта» даже в ходе самых, казалось бы, радикальных преобразований.

Сравнительный анализ генезиса российского и западно-европейского менталитета.

«Основой и побудителем образования сословий в старой Европе был феодализм, которого не было в России. Основанные на защите и доверии взаимные отношения между властителем и вассалом, при которых властитель предоставлял защиту, а вассал обещал хранить верность, противоречили духу московского самодержавия. Московский князь и царь, хотя и требовал подчинения и клятвы в верности, сам никогда не давал никаких клятв своим подданным. Принцип взаимности, включавший в себя на Западе также и право сопротивления, не согласовывался с московским самодержавием, по представлению которого господство исходило лишь из одного полюса, поэтому даже могущественные бояре оставались холопами. Самодержавие не терпело никакой самоорганизации аристократии на основании собственного права, не допускало и автономии городов» [13].

Первые реформы западного типа, проводимые Петром I рассматриваются зачастую как *радикальный поворот* государственной систем от патриархальной традиции, попытка слома существующей юридической системы и уложений, а следовательно попытка перестройки мировоззрения российского народа – от боярства, до крестьян. «В нашем массовом сознании просто укоренён стереотип: все блага и вообще крупные начинания в российской истории связывать с именем и царствованием Петра I... Представляется, что это был лишь очередной шаг в деспотическом стремлении власти регламентировать, подчинить единому распорядку всю жизнедеятельность общества». Петр I решительно изменил структуру как государственной власти, так и самого закона. Основными источниками права стали

разнообразные уставы, постановления и другие нормативные акты государственных учреждений. Тем самым произошло изменение характера права. Здесь следует отметить широкое включение правовой формы закона. В.Н. Синюков [13], рассматривая эту эпоху, говорит не о прогрессе отечественного права, а о деградации юриспруденции, неопределенности и нечеткости речи в результате прямого заимствования шведского и немецкого права. Проявлениями такого рода правовой культуры стало множество конфликтов, спровоцированных неудачными, непроработанными действиями власти (основанными на поспешности реформ), что привело к расколу и противостоянию сторон, то есть государства и общества. Такого рода раскол невозможно подавить взаимоуступками и переговорами, это только углубляет противоречия и усиливает амбиции сторон. Такой раскол можно лишь подавить. Здесь и возникает чисто русское понимание «свободы» - полное освобождение от каких либо ограничений («воли») одной стороны, и по сути «признание только собственного права на выбор и отказ другим в таком праве». Сон разума порождает чудовищ, а сон права порождает произвол.

Существование самодержавных (вотчинное право) князей спокон веков порождало острейшие междусобицы и конфликты в и Древней Руси и Московском княжестве, Российской Империи вспомним, например, конфликты между сыновьями Александра Невского Василием, Дмитрием, Андреем и Даниилом. Не все конфликты были разрешимы: стрелецкие бунты, казачьи восстания церковный раскол с глубочайшими его последствиями. Славянофилы всегда считали, государство российской жидется на исконной добровольности, на «взаимной доверенности» народа и власти. «Не брань, не вражда, – писал К. Аксаков [14], характеризуя русское государство, – как это было у других народов, вследствие завоевания, а мир вследствие доброго призвания». По И. Аксакову «Царю принадлежала сила власти, а народу – сила мнения». Такая структура государство, её социальные взаимоотношения базируются на единении верховной власти и народа, общим нравственным убеждением, а не формализованным законом, не *правовыми гарантиями*. Странник евразийской концепции развития цивилизаций Н.Н. Алексеев пишет: «А как же, можно спросить, те многочисленные внутренние потрясения, которыми была полна русская история и которые каким-то чудом ускользают от взора многих ее повествователей?» [15, с. 382]. Очевидна, правомерность и единство позиций и К. Аксакова, и Н.Н. Алексеева. И нам, вслед за великими историками и мыслителями следует признать своеобразие государства российского – традиционность быта, пронизанного канонами православия, любовью и нравственным единством, и увы, не нормами римского права. Признать «невероятную устойчивость и цельность отечественного политического бытия даже в крайне сложных для государства условиях (tragedia moskovita)».

Влияние эволюции взаимоотношений православной церкви и государства на национальный правовой менталитет.

Отношения православной церкви и государства Российской проблема извечная. Еще в XVII в. возникла, по сути, оппозиция тоталитарно этагической концепции царской власти, пытаюсь противопоставить ей теократическую модель. «Священство царства преболе есть», - с таким тезисом выступал патриарх Никон и его сторонники, олицетворявшие вековые устои государства Российского. Но как известно, теократическая модель, не была утверждена институционно ни в России ни римско-католическая церковь в Европе XI-XII вв.. не приобрета самостоятельного политического значения.

Но концепция православие в русской государственности имела много сторонников. В настоящее время, обращаясь к утерянным авторитетам, своевременно вспомнить взгляды К.П. Победоносцева, (порою утопические)

считавшего, что церковь и вера составляют основы государства: «Государство не может быть представителем одних материальных интересов общества; в таком случае оно само себя лишило бы духовной силы и отрешилось бы от духовного единения с народом. Государство тем сильнее и тем более имеет значения, чем явственнее в нём обозначается представительство духовное. Только под этим условием поддерживается и укрепляется в среде народной и в гражданской жизни чувство законности, уважение к закону и доверие к государственной власти. ... Религия, и именно христианство, есть духовная основа всякого права в государственном и гражданском быту и всякой истинной культуры. Вот почему мы видим, что политические партии самые враждебные общественному порядку партии, радикально отрицающие государство, провозглашают впереди всего, что религия есть одно лишь личное, частное дело, один лишь личный и частный интерес.» (Вот и «опиум для народа» разрушавший лезало бы незыблемые моральные ценности народа.

Церковь в России не смогла стать независимым, корпоративным политическим и юридическим образованием, никогда не воспринималась ни государством, ни обществом как *сообщество* (корпорация) священников, которые должны «трудиться ради спасения мирян и улучшения мира... через церковное и светское право». Более того, известные попытки нарушить уже устоявшийся континуитет отечественного государства и права вообще привели церковь к полной де-институционализации, потере собственного лица и к неизбежному в этой ситуации превращению ее в придаток бюрократического аппарата.

«В России (как и в Византии) отсутствовали условия и традиции того сложившегося в Западной Европе типа взаимоотношений между церковью и государством, который представлял собой по существу разделение духовной и светской властей в обществе и государстве и создал необходимые предпосылки для ограничения власти государства и признания прав и свобод людей, для становления идей, концепций, норм и процедур западноевропейской политической и правовой культуры» [16, с458], – справедливо отмечает В.С. Нерсесянц. Государство обожествляется (в массовом сознании – «Царь для народа своего – Бог!»), власть все более и более сакрализируется, а церковь, напротив, все более «обмирщается», теряя необходимую для такого важного социального института «статусную» самоидентификацию. Утрата собственной идентичности ведет не только к подмене основных функций церковной организации, но и отражается в иных социальных сферах, укрепляя юридическую культуру единения, «собора» и «предотвращая» любые радикальные повороты в развитии отечественной правовой системы. В этой связи ясно, почему, например, В.О. Ключевский (впрочем, и не он один!) отзывался весьма скептически о религиозности русского народа и церковном богослужении, а высшие иерархи отечественного православия так настойчиво утверждали, что «всякая душа да будет покорна высшим властям ибо нет власти не от Бога: существующие же власти от Бога установлены».

Существует еще одна крайне важная составляющая процесса зарождения российских правовых политических реалий. Как известно, начиная с XIV-XV столетий *собственность* (dominium) и *власть* (imperium) в Московском государстве не были разделены, а потому разграничения *публичной* и *частной сфер*, а значит и публичного и частного права, существовавшего в Европе с времен Древнего мира, в России не существовало вплоть до середины XVIII века.

«Общее крепостное состояние сословий» (Б.Н. Чичерин [17]) «де-юре» существовало в России до 18 февраля 1762 года, когда император Петр III, издал Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», освобождавший дворян от

обязательной гражданской и военной службы. Это был первый правовой акт такого рода – при первом посещении сената царь выразил пожелание, и затем сенат подготовил проект манифеста. Далее, при Екатерине II последовала работа над новым уложением, открывшая, по сути новую эпоху в государственно – правовой жизни России.

После этих реформ, в России появилось впервые формально свободно сословие-субъекты права, – хотя это были только лишь дворяне. С точки зрения западного подхода, этот процесс должен был с неизбежностью продолжиться и распространиться и на другие слои общества. Запад ждал от России «коперниканского» полного преобразования всецелого государственно-правового уклада, признания самостоятельности личности как субъекта правовых отношений, установления права над имущественно-сословными, национально-религиозными составляющими индивида. Трудно представить ожидаемый результат в стране исключительной персонализации власти, узурпации её правовой системы, переоценить его значимость для развития России.

Но то ли власть была сильна, то ли патриархальные традиции слишком велики, но национальный правовой менталитет «устоял», реформаторам не удалось разломать традиционные для России структуры. Устоял несмотря на достаточно длительную эпоху просвещения, на многочисленные либеральные реформы...

С нашей точки зрения причины кроются в глубинных свойствах российского общественного мировоззрения и причудливо сформированной исторической общности, социальной психологии самоощущения. Исторические перипетии развития России – взлеты и падения- построили своеобразный (со своими характеристиками -устойчивость, фиксация, трансляция и т.д.), ментальный фонд российского общества (самых разных его уровней), и как ни удивительно для западного пытливого, но схематизированного научного ума, уберегли, сохранили неизменность фундаментов, *стандартизирующих политико-юридический менталитет*. Александр Гучков, член временного правительства, лидер партии либерал-консерваторов в Государственной Думе, известный дуэлянт и задира, так характеризовал противоречия, возникающие между реформаторами и обществом: «Историческая драма российских реформаторов состояла в том, что они были вынуждены отстаивать монархию против монарха, церковь против церковной иерархии, армию против ее вождей, авторитет правительственной власти против носителя этой власти» [18, с. 235], призывая отречься от довлеющих традиций и обратиться к «истинным ценностям» свободы и демократии. Одним из основных традиционалистских доводов устоявшегося юридического мышления было наличие и значимость российского крестьянства, составляющего более 80% населения страны.

Эволюция отечественной государственно-правовой системы при условии ее непредвзятого, адекватного восприятия, с точки зрения вышеназванных методологических установок, традиционные для российской юридической действительности проблемы и парадоксы при более пристальном, детальном их рассмотрении вполне убеждают в том, что судьбы тех или иных политических систем и институтов, государственно-правовых режимов решаются в конечном счете в той скрытой, «таинственной» сфере, где разворачиваются события *духовного* порядка: возникает идейный кризис, деформируются либо, наоборот, «исправляются», возрождаются привычные приоритеты, интересы и ценности, юридические установки и стереотипы населения, изменяются мотивы и т.д. [19- 23].

Сторонники «западнической концепции» радикального реформирования российской политико-правовой системы – прямого полного применения западных схем правовых схем – полагали необходимым превратить право в самостоятельный фактор государственной структуры, а не элемент управления державы в руках

верховного правителя. («А и жаловати своих холопов вольны мы, а и казнити вольны есмя», – из письма Ивана Грозного А. Курбскому.) Такая форма государственного управления предполагает существование *формального равенства* населения в социуме перед законом. Понятно, что в стране, где спокон веков понятия «право», (вошедшее в полной мере в российский обиход лишь после петровских реформ) и «правда» («справедливость», основанные на морали, патриархально религиозных законах), несоизмеримы о своей социальной психологической ценности. Ведь существовала в России *обязанность* императора «держатъ совет» с Думой, Земскими Соборами, «во имя обоюдной любви царя и народа». Как же в такую схему впишется борьба народа за свободу против самодержавия, за равенство перед законом. Понятие «любви» естественно и понятно народу, традиционно и гармонично существует с мировосприятием народа, давно укоренилось в русском праве (многочисленные церковные обряды целования, договоры «о любви и правде» и др). «Соборы никогда не претендовали на власть (явление с европейской точки зрения совершенно непонятное), и Цари никогда не шли против «мнения Земли» – явление тоже чисто русского порядка... и все это вместе взятое представляло собою монолит, который нельзя было расколоть никаким царубийством». (И. Солоневич «Народная монархия» Litres, 2017, сс. 1038). А По Л.Тихомирову «монархия состояла не в произволе одного лица, а в системе учреждений». Ключевая проблема теории государства и права вопрос об ответственности государства перед народом, а народа перед законом приобрела в российском варианте особое, своеобразное качество, характерное исключительно для российского менталитета, и никоим образом не свидетельствующее о его отсталости.

Известный российский сторонник логической догматической юриспруденции С.В. Пахман писал: «Внимательный глаз открыл бы в нашем обычном праве, быть может, и такие начала, которые свойственны самому развитому юридическому быту» [24, с. 124].

Однако, общий путь развития цивилизации и эволюция научного мировоззрения с неизбежностью влияли и на политическое и правовое устройство государства. Правовая система естественным образом должна была отойти от метафизической трактовки права в стране, перейти к строго структурной и прагматической юридической системе. Но это был естественный путь развития правовой систему в эпоху просвещения. А не банальная вестернизация (вестернизация ли российской математики в признании теоремы Пифагора) русского права. Другой вопрос, как глубоко вглубь социума проникало просвещение, как сочетался крепостной строй с зарождением буржуазии и мануфактур. Конечно, новые тип товарно денежных отношений должен был быть инкорпорированы в систему права, которая, вопреки стремлениям передовой, пресвященной элиты, составляющей доли процентов российского населения управляющих, оставалась глубоко патриархальной. Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» очень точно описал эту эпоху: «За последние полтора года лет сгнили все корни, когда-то связывающие русское барство с русской почвой». Вот в чем, с нашей точки зрения, состояла непреодолимая противоречия политической правовой системы, реформаторов и увыв непросвещенного и несвободного в массе своей населения страны. Поэтому, пожалуй, в России, в отличие от западных стран даже в XIX – начале XX веков не произошло отделение правовых институтов от персонализации верховной власти, по-прежнему сохранялось нигилистическое отношение к закону, выше веры в закон была вера в «справедливость», необходимость «сильного государя». Ведь понятие «свобода» в патриархальном и даже метафизическом сознании русского народа - это стихия, прекрасное и всеобъемлющее понятие «воля». А прямое применение к столь индивидуально по своей государственной структуре и национальному

менталитету стране западных правовых схем и подходов было свернуто в 1907-1910 гг.. Россия осталась в состоянии «полу реформ». Многие преобразования едва начавшись, но успев разрушить привычные системы управления, были остановлены. Власть, по сути, была существенно ослаблена периодом преобразований, что стимулировало различные революционные движения, выдвигавшие свои модели национального государства и права и пытаясь адаптировать разумную и прагматичную систему права к национальному своеобразию России.

Здесь мы еще раз вынуждены обратиться к известным фактам. До первой мировой войны в России, в отличие от Западной Европе, где уже, благодаря появлению новых сословий –бюргерство, буржуа, преобладало крестьянство. Численность городского населения была невелика. 80 процентов жителей Российской империи – крестьяне. И понятно, что возникает *крестьянский вопрос* и долгие годы является *вечным* вопросом в российском государстве («... в деле этом нужна продолжительная черновая работа. Разрешить этот вопрос нельзя, его надо разрешать» – П.А. Столыпин). И.А. Ильин, вдохновитель и идеолог консервативного направления либеральной консервативной интеллигенции, в том числе и Солженицына, в одной из своих речей, произнесенных в Москве в 1922 г., говоря о российском крестьянстве, констатировал что «дореволюционный государственный строй своими традиционными заблуждениями и ошибками *сам породил и вскормил* своего антипода во всей его буреломно-отрицательной силе» [26].

«Годы революции, да и последующий период были временем исторической жатвы плодов, посеянных и выращенных раньше, отрезком времени, когда кризисная ситуация лишь проявила в предельно обостренной политической форме те общие социально-этические и психологические стереотипы, которые складывались и развивались в течение десятилетий, а по некоторым важнейшим параметрам – и столетий», как считает А.В. Оболонский, вполне отражает в некотором смысле дух существующего менталитета [27].

Конечно же октябрьский переворот существенно отбросил Россию назад в её строительстве демократического правового государства. Н. Бердяев отметил, что «марксизм не хочет видеть за классом человека, он хочет увидеть за каждой мыслью и оценкой человека класс с его классовыми интересами»

Коллапс Советского Союза эпоха перемен, «навалившаяся» на страну в 90-е гг. XX века «сжимает время» в процессе эволюции национального правового менталитета. Реформы и революции делают зачастую существенным несущественное, отодвигая и заслоняя суть остротой сиюминутности. В настоящее время происходит очередной (через 100 лет) слом социальных систем, ломается и преобразуется почти 70 структура социальных отношений и «сословной» структуры общества. Именно в такое время и срабатывает защищающий механизм российского менталитета, напоминает о своей своеобразности, не позволит ассимилировать свои традиции. Наша задача прислушаться к нему, и проводя современные политико правовые реформы помнить о своем уникальном ментальном генотипе.

Заключение. После демократического единения 90-х, отрицания патриотизма и поголовно критического отношения к государству, в современном обществе явно просматривается тенденция современного реформирования российской государственности. В этом реформировании ключевым моментом является национальное самосознание. Именно это понятие – во всех его проявлениях – правовых, ментальных, культурных – определяет положение и задачи нации, как государства. Стремление к мгновенной модернизации, внедрению западных юридических форм и структур, переориентация национальных правовых традиций на западные ценности, без необходимого научного обоснования и адаптации

к национальному своеобразию и обычаям, не увеличились успехом. Поэтому современная правовая система Российской Федерации с неизбежностью будет развиваться сообразно национальным особенностям и своим задачам, отвечая вызовам современного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб., 1999. 443 с.
2. Симон Г. Мертвый хватает живого. Основы политической культуры России // Цивилизации. Вып. 4. М., 1997. 219 с.
3. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX – XIV вв. М., 2003. 318 с.
4. Макаренко В.П. Российский политический менталитет // Вопросы философии. 1994. № 1.
5. Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002. 289 с.
6. Мордовцев А.Ю., Ивченко Е.В., Шкурова И.В. Формирование гражданского общества в России в условиях соборного мироустройства // Философия и право: материалы Международной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 137-140.
7. Мордовцев А.Ю. Особенности правопонимания в современной России: формирование нового дискурса // Философия права. 2011. № 3.
8. Мостовая И.В., Скорик А.П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис. 1995. № 4.
9. Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Манастырный А.В., Тюрин М.Е. Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов н/Д, 2009. 320 с.
10. Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1990. Т.9. 589 с.
11. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. 417 с.
12. Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. — М.: Книга, 1989. — 176 с.
13. Синоков В.Н., Российская правовая система. Издательство Норма, Москва, 2010, 672 с.
14. Аксаков К. С. Сочинения исторические. СПб., 1861. 320 с.
15. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. 728с.
16. Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений. М., 1998. 736 с.
17. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. 449с.
18. Графский В.Г. Политические и правовые взгляды русских народников (истоки и эволюция). М., 1993. 237 с.
19. Мамычев А.Ю., Качурова С.В., Шестопап С.С. Социокультурные (архетипические) основы трансформации публично-властной организации: формы и направления. // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 375-380.
20. Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. правовой менталитет как основание исследования национального права и публично-властной организации в XXI веке. // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 444-447.
21. Mordovtsev A.Y., Mordovtseva T.V., Mamychyev A.Y., Plotnikov A.A. the legitimacy of the government in the political, legal and economic space of modern russia: features of understanding of the socio-cultural reasons. // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. Т. 6. № 8Special Issue. С. 179-183.
22. Мамычев А.Ю., Шестопап С.С. Внеправовое и теневое функционирование публичной власти // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 381-384.
23. Яковлюк И.В., Мамычев А.Ю., Шестопап С.С. Европейский союз сквозь призму имперской модели власти. // Право и политика. 2016. № 12. С. 1473-1481.
24. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России: Юридические очерки. СПб., 1877. Т 1. 428 с.
25. Шестопап С.С., Олейников С.Н., Мамычев А.Ю. Философия естественного права Жака Маритена как те-

оретический фундамент прав человека. // Юридические исследования. 2016. № 11. С. 45-59.

26. Ильин И.А. О сущности правосознания // Собр. соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 1. 403 с.

27. Оболонский А.В. Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994. 112 с.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МД-6669.2016.6

Статья поступила в редакцию 03.10.2017

Статья принята к публикации 26.12.2017